

О решениях XX и XXI съездов КПСС по вопросу «О культе личности и его последствиях»

Доклад Р.И. Косолапова на XXXII съезде СКП-КПСС

Товарищи!

Начнем с исторической аналогии.

2 сентября 1945 года Сталин выступил с Обращением к народу по поводу признания Японией себя побежденной, а значит и успешного полного окончания второй мировой войны.

Сталин говорил не только о современности, но и напомнил о поражении русских войск в 1904 году, в период русско-японской войны. Это поражение, отметил он, "легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил". (Соч. Т. 15. С.241)

Очевидно, тогда, в обстановке всеобщего ликования, траурно оттененно печалью о павших, вряд ли кто мог предсказать появление нового, куда более крупного и ядовитого "черного пятна". Я имею в виду пресловутый доклад Хрущева "О культе личности и его последствиях" на закрытом заседании участников XX съезда КПСС и намеченную им "линию". Этим советский народ, подрастающие поколения были фактически до окончания века отлучены от правды о наиболее продуктивном тридцатилетии нашего послеоктябрьского развития. Мы, коммунисты старшего поколения, знавшие истину или же догадывавшиеся об ее искажении, сорок пять лет ждали, когда, наконец, настанет ее час. Хотелось бы надеяться, что мы этого часа дождались.

Вот постановление по хрущевскому докладу 25 февраля 1956 года:

"Заслушав доклад тов. Хрущева Н.С. о культе личности и его последствиях, XX съезд Коммунистической партии Советского Союза одобряет положения доклада Центрального Комитета и поручает ЦК КПСС последовательно осуществлять мероприятия, обеспечивающие полное преодоление чуждого марксизму-ленинизму культа личности, ликвидацию его последствий во всех областях партийной, государственной и идеологической работы, строгое проведение норм партийной жизни и принципов коллективности партийного руководства, выработанных великим Лениным" (XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. II. М., 1956. С. 498).

Обращает на себя внимание то, что доклад Хрущева только заслушивался, но не обсуждался. Прений по нему не открывали. Участникам заседания трудно было после всего услышанного посмотреть друг другу в глаза, заговорить. Никто не аплодировал. Резолюция голосовалась, можно сказать, "всухую".

Лживо утверждение, будто это был "доклад Центрального Комитета". По словам непосредственного составителя текста, Д.Т. Шепилова, "до съезда капитального обсуждения доклада не было". Шепилов, получивший от Хрущева поручение на второй день съезда, 15 февраля и имевший от него "полный карт-бланш", пользовался при написании только подготовленным ранее материалом П.Н. Пospelова. По предположению Шепилова, окончательно "компоновали доклад помощники Хрущева – Лебедев, Шуйский". Причем от соавторства Шепилов решительно отказывался. "Это, – говорил он о Хрущеве, – целиком и полностью его и только его идея!" (И примкнувший к ним Шепилов. Правда о человеке, ученом, воине, политике. М., 1998. С. 125-126). Тем самым подтверждается и то, что в начале 70-х годов рассказывал мне бывший член Президиума ЦК Д.И. Чесноков: "Он (Хрущев. – Авт.) обманул ЦК". Если к тому же учесть, что вопрос о "культе" был вытаскиван вне повестки дня, утвержденной ЦК и съездом, то налицо прямое произвольное нарушение того, во имя чего такое якобы предпринималось, – "норм партийной жизни и принципов коллективности партийного руководства, выработанных великим Лениным".

Но и это еще не все.

Самая, пожалуй, большая, трудноразоблачимая аппаратная хитрость, на которую пошел Хрущев, состояла в том, что антисталинский доклад "состоялся на другой день... после официального закрытия съезда, в обстановке полусекретной, когда уже ушли все иностранные гости, в том числе руководители братских коммунистических партий, и были приглашены сотрудники идеологических отделов ЦК КПСС". (Свидетельство И.С. Черноуцана. В кн.: Бурлацкий Ф. М. Вожди и советники. О Хрущеве, Андропове и не только о них... М., 1990. С. 88). К этому моменту были избраны новые ЦК и ЦРК. Иллюзию продолжения съезда создавало то, что доклад о "культе" произносился на утреннем заседании 25 февраля, а состав обоих руководящих органов счетная комиссия оглашала после перерыва. Но в этот день, поскольку голосование состоялось накануне, 24-го, зал являл собой пока что съезд и уже не съезд. Делегатские полномочия исчерпывались с появлением на свет другого Центрального Комитета и лишались постановляющей, партийно-законной силы. Если бы у самого Хрущева жестко спросили, докладом какого ЦК – прежнего или будущего – является то, что он изрекает, он, при всем своем нахрапе, наверняка бы смутился. Так и родилась прочитанная вам "висячая" резолюция, ущербная и с уставной, и с политической, и с моральной, и с научной точки зрения.

Что касается постановления XXII съезда о Мавзолее В.И. Ленина от 30 октября 1961 года, то оно принималось в другой, резко изменившейся обстановке, на фоне позорной вакханалии, подогретой гонениями на так называемую антипартийную группу 1957 года, то есть на бывших соратников Сталина. Этот документ примечателен сегодня в той его части, где признается "нецелесообразным дальнейшее сохранение в Мавзолее саркофага с гробом И.В. Сталина, так как серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в Мавзолее В.И. Ленина" (XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. III. М., 1962. С. 362).

Полагаю, отменяя это постановление XXII съезда, мы не станем настаивать на возвращении сталинского саркофага в Мавзолей, а сделаем упор на другом: объявим недействительными содержащиеся там политические оценки. Это – во-первых. А во-вторых, мы морально осудим факт кощунственного обращения с прахом великого революционера и патриота, осудим само явление "гробокопательства", которым ради возбуждения низменных гиенских инстинктов в последние годы цинично пользовались "демократы".

Товарищи! Вам, конечно, известно постановление V съезда Единой коммунистической партии Грузии о партийной реабилитации Сталина (Гласность. 2001. № 3. С. 2). В принципе нельзя не согласиться с его идеей и направленно. Справедливости ради следует только подчеркнуть, что задолго до этого съезда и его решений вопрос ставили сотни честных и зна-

ющих коммунистов из всех республик Советского Союза, и среди них хотелось бы отметить ленинградку Нину Андрееву, москвичей Киру Корнеевну, Татьяну Хабарову, Алексея Голинкова, днепропетровца Эдуарда Ояперва, одессита Гурама Цушбая. Выдвигался вопрос и перед XXXI съездом СКП – КПСС.

В то же время представляется целесообразным сделать одну оговорку. Лично мне в суждениях о реабилитации Сталина, в целом обоснованных, все же видится некоторая некорректность. Объясняется это тем, что кампания по реабилитации, затеянная еще в 1953 году Н.С. Хрущевым и А.И. Микояном, временами проводилась "чохом", а, попав под эгиду А.Н. Яковлева, и вовсе превратилась в бесстыжее средство оболгания большевиков и советского строя. Согласно ельцинскому Закону от 18 октября 1991 года, реабилитировались лица, осужденные за контрреволюционные преступления, начиная с 25 октября (7 ноября) 1917-го. "Жертвами политических репрессий" стали часто изображаться полицаи и власовцы, "крутые" уголовники – от бандитов до фальшивомонетчиков. Данные о результатах кампании умышленно перепутываются и тщательно скрываются. Яковлев как-то заявил о полутора миллионах "реабилитированных" (Там же. С. 5). Стоит ли применять это запачканное слово к прямому морально-политическому преемнику Ленина, нашему вождю? О реабилитации когда-нибудь попросят сами "реабилитанты", да кто им ее даст? Думается, вместо подобных формальных акций надо без устали доводить до людей слово самого Сталина и слово правды о Сталине. Здесь особенно уместен мудрый принцип Спинозы: не плакать, не смеяться, а понимать, – и практика дает тому все более весомые доказательства.

Недавно в журнале "Альтернативы" (2001. № 2) опубликована характерная статья обществоведа и публициста Б.Ф. Славина, возможно, знакомого делегатам по его работе в ИМЛе и "Правде", а также по роли "переходящего" члена ЦК РПК, КПРФ, а затем и партии Святослава Федорова. Статья называется "Социализм или сталинизм?" и объявляет это противопоставление "гамлетовским вопросом для каждого сознательного представителя левого движения, сохранившего приверженность научным социалистическим идеалам" (С. 117).

Забавно, что новоиспеченный "Гамлет" не замечает собственного политического самоубийства, поскольку для мыслящего коммуниста стержневым моментом является не выдуманная Славиним фальшивая, буржуазно-интеллигентская альтернатива, а историческое противостояние социализма и капитализма. Кто подменяет этот момент каким-либо другим, тот вольно или не вольно по сути склоняется на сторону прокапиталистических сил.

В развязанной хрущевцами критике "культа личности" Сталина преобладают два обвинения. Первое из них связывается с репрессивными акциями Советского государства, особенно во второй половине 30-х годов; второе вменяет Сталину ответственность за тяжкие поражения Красной Армии в битвах 1941-1942 годов.

В своем февральском докладе Хрущев приписал Сталину попытку "теоретически обосновать политику массовых репрессий под тем предлогом, что по мере нашего продвижения вперед к социализму классовая борьба должна якобы все более и более обостряться" (Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 139). Хрущев сослался на доклад Сталина на февральско-мартовском (1937 года) Пленуме ЦК. Удивительно, но в течение 40 лет никто эту ссылку не проверил. Неужто и в самом деле, как говаривал Пушкин, "мы ленивы и не любопытны". В действительности названного тезиса, который без конца тиражировался как "сталинский", ни в докладе Сталина, ни в его заключительном слове нет. Верно то, что Сталин отмечал необходимость "разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится все более и более ручным". Подчеркивал Сталин и то, что "если один конец классовой борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой ее конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств" (Соч. Т. 14. С.166). Но "теории обострения" во второй половине 30-х годов, то есть когда в СССР уже было обеспечено абсолютное преобладание социалистических форм хозяйства и принята Конституция победившего социализма, он не выдвигал, а выступал против "теории затухания". Вы как политики, надеюсь, хорошо чувствуете этот нюанс.

Нам незачем выгораживать Сталина и изображать его этакой беспечной беззубой овечкой. На январском (1933 года) Пленуме ЦК и ЦКК, говоря об итогах первой пятилетки и необходимости всемерной защиты общественной собственности как священной и неприкосновенной основы нашего строя, он, и правда, выдвинул тезис: "Уничтожение классов достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления" и призвал "иметь в виду, что рост мощи Советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов" (Соч. Т.13. С.211-212). Но действовал он конкретно-исторически. Усиление или ослабление классовой борьбы, – причем в меняющихся, подчас новых, не знакомых ранее формах, – зависело от степени упрочения Советской социалистической системы, от ее устойчивости, а она, как показал опыт последних десятилетий XX века, никогда не была постоянной, неизменно гарантированной величиной. Сталин это хорошо понимал. Он был гибким диалектиком, в то время как Хрущеву в этом смысле, говоря по-русски, медведь на ухо наступил...

Любимой игрой оппортунистов и антисоветчиков всех мастей, в которой задействована ложь фантастических размеров, стала цифирь, якобы отображающая число репрессированных большевиками. Рекорд тут поставил Юрий Карякин – 120 миллионов человек. Есть "свидетельства" и поскромнее – Александр Солженицын и Рой Медведев довольствуются показателем, меньшим примерно вдвое. При населении СССР перед войной 190-195 миллионов и это выглядит внушительно. Остаются недоуменные вопросы: кто воевал, кто трудился в тылу, кто остался в живых, кто восстанавливал народное хозяйство, откуда взялся народ, который до развала Советского Союза готов был взять 300-миллионную высоту?

В свете новейших изысканий (прежде всего В.Н. Земскова и И.В. Пыхалова) считаю своим долгом дать здесь объективную справку. Так, число приговоренных к высшей мере наказания в 1921-1953 годах (периоды окончания гражданской войны, нэпа, коллективизации, Великой Отечественной) близко к 800 тысяч. Части этих лиц смертная казнь заменялась заключением на сроки 10-15 лет. В 1934-1940 годах таких заключенных насчитывалось в лагере от 4 до 7 тысяч (См.: Пыхалов И.В. Время Сталина: факты против мифов. Л., 2001. С.19,10).